

Роман Злотников

**МЯТЕЖ
НА ОКРАИНЕ
ГАЛАКТИКИ**

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-312.9

ББК 83.3(2Рос=Рус)

3-68

Миры Романа Злотникова

Злотников, Р.В.

3-68 Мятеж на окраине галактики / Р.В. Злотников. – М. :
Т8 Издательские технологии/RUGRAM, 2018. – 446 с. – (Берсерки).

ISBN 978-5-519-66251-2

Системы ПВО Соединенных Штатов и России уничтожены, прочие страны не успели оказать сопротивление, города повсюду обращены в руины – Земля, очередная планета на пути канскебронов, космических захватчиков, подвергнута стандартной процедуре, которая заключается в полном уничтожении существующего варианта цивилизации и жестким структурировании оставшегося генофонда.

Уцелевшие земляне должны либо покориться и стать рабами пришельцев, забыв обо всем, что было до Обращения, либо попытаться выжить в жесточайших условиях. По опыту канскебронов, дикая популяция быстро вымирает. Однако на сей раз, впервые за всю историю Единения, что-то пошло не так: группы неприрученных аборигенов не только не одичали, но и сохранили остатки технологий и военной техники, а у землян нового поколения проявляется древний дар берсерков – способность чувствовать верные поступки и использовать скрытые ресурсы организма в состоянии боевого транса...

УДК 82-312.9

ББК 83.3(2Рос=Рус)

BIC FLC

BISAC FIC009000

© Роман Злотников, 2000

ISBN 978-5-519-66251-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

ПРОЛОГ

Генерал-майор Семен Никитич Прохоров дослуживал последний год. Вообще-то выслуги у него хватало. Поскольку служить он начал еще в войну, десятилетним пацаном. Бойцы 547-го зенитно-артиллерийского дивизиона подобрали его в развалинах на окраине освобожденного Киева. С тех пор вся его жизнь была прочно связана с войсками ПВО. Сын полка, вечерняя школа, срочная, а затем и сверхсрочная служба, экстернат военного училища и весь букет превратностей жизни дальних гарнизонов — вот из чего складывалась его судьба.

Впрочем, то время генерал Прохоров всегда вспоминал с удовольствием. Служить было не только интересно (в войска бурным потоком шла новая техника, осваивались такие дальности и высоты, которые в военные годы считались невероятными), но и престижно. В обнищавшей после тяжелой войны стране военные в глазах многих были этакими островками благополучия.

Но во все времена военная служба требует от любого, кто избирает эту стезю, гораздо большего, чем любая другая область человеческой деятельности.

А потому семейная жизнь у Семена Никитича так и не сложилась. Первая жена, крепенькая и грудастая медсестра-хочотушка из дальнего сибирского городка, предпочла лейтенанту-зенитчику военврача гарнизонного госпиталя. Однажды Прохоров вернулся домой после очередного многосуточного боевого дежурства и застал в доме только голые стены. Любимая женушка и рачительная хозяйка умудрилась вывезти из снимаемой ими квартички даже громоздкую двуспальную кровать с железной сеткой и блестящими никелированными шариками на спинках. Лет через двадцать, уже будучи в немалых чинах, Семен повстречал свою первую любовь. Та нарочито обрадовалась, прослезилась, а в конце их короткой случайной встречи попыталась изобразить вспыхнувшую страсть и агрессивно намекнула на возможность обратного развития событий. Муж-военврач на дармовом спирту окончательно спился, да и за все это время смог взобраться всего лишь на пару ступеней служебной лестницы. Но Семен к тому времени уже приобрел некоторую сноровку в обращении с женщинами, а потому сделал вид, что никаких намеков напрочь не понимает, и быстроенько ретировался. Вторая жена, учительница одной из окраинных московских школ, с которой он познакомился во время учебы в академии, сбежала от него после третьего года жизни в дальнем гарнизоне посреди глухой уссурийской тайги. С той поры Семен так и жил бобылем, отдавая службе все свое время.

Потому, наверное, судьба и вознесла военного сироту, не имевшего никаких связей и знакомств, до генеральских чинов. Служба была для него даже не смыслом жизни, а самой жизнью. И он не мог представить себе, что наступит день, когда, поднявшись утром, привычно сделав зарядку и обливвшись ледяной водой, он достанет из старого скрипучего трех-

створчатого шкафа, сменившего вместе с ним добрую дюжину гарнizonов, не форму, а некое партикулярное платье и, напившись крепкого до черноты чаю, сядет у старенького телевизора размышлять о том, чем же занять долгий, пустой день. За последние десять лет привычный мир как-то внезапно и быстро полетел ко всем чертям. Давние враги вдруг стали считаться лучшими друзьями и образцом для подражания, а друзья активно и деятельно начали перекрещиваться во врагов. То, что в любом нормальном государстве всегда считается одной из первейших забот этого самого государства, внезапно превратилось во вредный пережиток старого режима, армия стала нищать и разваливаться. От всего происходящего у генерала Прохорова воротило душу. Чего он в общем-то ни от кого и не скрывал. Это не прибавляло ему популярности в глазах начавшего неожиданно быстро меняться руководства. Но он был едва ли не самым опытным дежурным генералом и благодаря уже более чем почтенному возрасту не представлял никакой опасности карьерного роста для новоявленных лизоблюдов. И потому Семена Никитича терпели на службе, неизменно ставя на дежурство в наиболее ответственные моменты.

Сегодня дежурство выдалось скучным. Прохоров придирчиво проверил форму у заступавшей смены, обошел все помещения, пару часов погонял вторую и третью смену на компьютерном тренажере, базовый процессор которого был получен отнюдь не благодаря, а как раз вопреки активным усилиям новоявленных «заклятых друзей». Потом удалился в комнату отдыха, чтобы, сняв начищенные до блеска сапоги (окружающие считали эти сапоги вызовом придуроватого старикина новым порядкам, на самом деле пристрастие к сапогам объяснялось лишь давней привычкой Семена

Никитича, у которого от неудобных форменных ботинок быстро разбаливались ноги), попить своего фирменного крепкого чайку, как вдруг на пороге возник старший оператор службы ДРЛО.

— Товарищ генерал... там это... множественные цели...

Прохоров окинул подполковника сердитым взглядом — тот выглядел растерянным, если не сказать ошарашенным, и, наклонившись к стоящим у стола сапогам, ворчливо пробурчал:

— Что значит множественные? Доложите внятно: сколько, откуда, скорость сближения, как идентифицированы?

Подполковник глухо ответил:

— Там непонятно, товарищ генерал. БИС выдает данные почти на сорок тысяч целей...

— Что?! — Прохоров вскочил с кресла и как был, в одном сапоге и одном тапке, рванул к центральному пульту.

— Что здесь творится?

Один из молодых офицеров с возбужденно горящим лицом пробормотал:

— Непонятно, товарищ генерал, то ли сбой, то ли... пришельцы. — И, чтобы этот суровый старик со скверным характером не принял его за полоумного, торопливо пояснил: — Мы засекли схожие цели практически по всему северному полушарию, да и «Космонавт Волков» передает из Южной Атлантики, что у них там творится то же самое. К тому же похоже, что некоторые сближения всех целей начинаются на орбите.

Прохоров ошарашенно моргнул, но тут же взял себя в руки и, не замечая, что он по-прежнему только в одном сапоге, торопливо занял свое место.

Спустя десять минут он раздраженно бросил на рычаг трубку телефона с двуглавым орлом на месте номе-

ронабирателя, зло скривился, повернулся в кресле и не-дрогнувшей рукой откинул прозрачный колпак из прочной пластмассы, повернул вверх ярко-алый старомодный тумблер. Под сводами противоатомного бункера, в котором располагался командный пункт, завыли сирены. И каждый из тех, кто находился в этом бункере, отчетливо осознал, что в то же самое мгновение точно такие же сирены воют в десятках и сотнях подобных бункеров, в боевых рубках кораблей, над ракетными капонирами и затерянными в тайге аэродромами. Семен Никитич окинул взглядом повернувшиеся к нему белые лица и, сурово поджав губы, глухо произнес:

— Ну что ж, сынки, для этого мы с вами здесь и сидим.

В этот момент какой-то капитан, суетливо стянув с головы гарнитуру связи, вскочил на ноги и заорал срывающимся фальцетом:

— Что вы творите, старый дурак! Это же первый контакт человечества с внеземным разумом. А вы собираетесь садить по ним ракетами с нейтронными боеголовками...

Прохоров демонстративно расстегнул кобуру, достал легонький генеральский ПСМ и рявкнул на капитана:

— Сесть! Заткнуться! — Потом, чуть сбавив тон, ответил: — Ни по кому я ничем садить не собираюсь. Во всяком случае до того момента, пока они не начнут садить по нам...

Но закончить свою мысль ему не удалось. Свет в помещении внезапно мигнул, а потом и вовсе погас. Одновременно погасли и все экраны. В темноте кто-то тихо прошептал: «Ой, мама дорогая!» Бетонный пол бункера вздрогнул, и снизу послышался низкий гул разгоняющихся резервных дизелей. Экраны вновь осветились неярким зеленоватым светом. Спустя

мгновение от одного из постов послышался сдавленный всхлип и срывающийся голос выкрикнул:

- Они бомбардируют Москву!!!
- А спустя секунду:
- И Питер!..
- Екатеринбург...
- Челябинск...
- Мурманск...
- О, суки! Владивосток накрыло!

Генерал Прохоров прикрыл глаза, протянул руку и надавил на большую красную кнопку, расположенную в одной ячейке с уже включенным тумблером, а потом откинулся на спинку кресла. Он сделал все, что мог, и дальнейшее от него больше не зависело.

Трехзвездочный генерал Боб Эмерсон разглядывал мокре пятно на левой брючине. Полминуты назад «Гору» изрядно тряхнуло, и легкий пластиковый стаканчик, который приволок ему лейтенант в последние минуты еще той, мирной жизни (подумать только, с того момента прошло не более получаса), опрокинул и украсил его штанину остатками недопитого кофе. Генерал Эмерсон считался отъявленным занудой и педантом, но даже он не мог позволить себе роскоши расстраиваться из-за испорченных брюк больше, чем пару мгновений. Генерал оторвал взгляд от брюк и повернул голову в сторону большого, во всю стену, многосекторного экрана.

- Что там новенького, Денни?

Сухопарый полковник торопливо ответил:

- Похоже, мы остались в одиночестве, сэр. Вашингтон не отвечает. И, судя по картинке со спутника, там не осталось ни одного целого строения. А на месте Пентагона вообще здоровенная дыра, быстро заполняющаяся водами Потомака.

Эмерсон сосредоточенно кивнул:
— А как там дела у русских?

Полковник слегка искривил губы в раздраженной усмешке. Конечно, генерал уже в том возрасте и звании, когда человек имеет право на капельку маразма, но с этими русскими он уже перегибает. В конце концов, Эмерсон ни разу не поинтересовался, как дела у союзников, а вот про русских спросил уже, наверное, раз двадцать пять.

— Как и везде. Пытаются сопротивляться, но... По самым приблизительным оценкам, у них разрушено девяносто процентов основных промышленных центров.

Генерал усмехнулся:
— Да, мы все в одном и том же дерьме.

Откуда-то из дальнего угла вдруг послышался вопль, и офицер, вскочив на ноги, заорал со слезою в голосе:

— Почему, почему они так с нами поступили?!

Эмерсон вздохнул — это был уже седьмой — и, привычно махнув рукой медицинской команде, снова повернулся к пульту. У него осталось всего пятнадцать процентов противоракет, от которых, правда, не было никакого толку. Кроме того, система обороны Североамериканского континента потеряла восемьдесят процентов наземных радиолокационных станций, большую часть спутников и практически все самолеты-перехватчики. По существу, НОРАД перестала существовать.

Вдруг полковник удивленно присвистнул:

— Сэр... русские запускают свои баллистические ракеты и подрывают их на высоте сорока километров над своими крупнейшими городами. Они сошли с ума!

Эмерсон подался вперед.

— Я не думаю, Денни. Подождем пару минут.

Через некоторое время генерал удовлетворенно усмехнулся:

— Они меня не разочаровали. Как видишь, Денни, несмотря на твой скептицизм, эти ребята нашли способ поджарить несколько задниц нашим врагам. Помоему, эти пятнадцать целей единственные, которые удалось сбить над Землей.

Полковник кивнул:

— Да, но, сэр, только лишь над северным полуширением висит около сорока тысяч целей. А повторить этот трюк второй раз уже вряд ли кому удастся.

Эмерсон хмыкнул:

— Это так, Денни, мы проиграли. Но... все только начинается. Я не думаю, что люди когда-нибудь согласятся на то, чтобы оказаться бессловесными рабами каких-нибудь паукообразных тварей. А судя по тому, каким образом эти появились на Земле, вряд ли они готовят нам нечто иное. — Генерал повернулся на кресле и, бросив взгляд на большой экран, пробормотал: — А по этому поводу нам, пожалуй, стоит кое-что предпринять. Денни! Соедините меня с «Риасникоффо».

Тот понимающее кивнул. Так назывался командный пункт системы ПВО России. Отдав распоряжение связистам установить закрытый канал, полковник, осторожно подбирая слова, обратился к генералу:

— Сэр... но все-таки, почему русские? Мне казалось более разумным связаться с кем-нибудь из наших союзников. В конце концов...

Но Эмерсон не дал ему закончить:

— Денни, когда я начинал служить, русские были единственными, кто так или иначе мог бы надрать нам зад, как, впрочем, и мы им тоже. — Генерал улыбнулся воспоминанию. — Но дело не в стереотипном мышлении старого маразматика. Просто в историческом масштабе мы — нация-однодневка. И такими же